

С. Н. Глинка

Русские анекдоты военные, гражданские и исторические

Фрагменты

«Русские анекдоты военные, гражданские и исторические» С. Н. Глинки первоначально печатались в его журнале «Русский вестник» как не связанный формальным единством цикл, отдельное издание вышло в 1811 г., в Москве в двух частях. Позднее сборник был дополнен сюжетами, связанными с событиями новейшей истории, которые также публиковались в «Русском вестнике» (1820, в трех частях). Третья часть, посвященная 1812 г. и европейскому походу русской армии, называлась «Подвиги добродетели и славы русских в Отечественную и заграничную войну». Успех издания был столь значителен, что в 1822 г. вышло третье издание в пяти частях, причем событиям Отечественной войны вновь была посвящена отдельная, пятая часть. Оно было иллюстрировано гравюрами А. А. Флорова и А. А. Осипова, причем, кроме портретов древних князей, особ царствующего дома и героев минувших эпох, в издании были опубликованы портреты М. И. Платова, М. И. Кутузова и Д. С. Дохтурова.

Пафос С. Глинки может показаться спустя двести лет наигранным, но писатель был искренен. Его брат Ф. Н. Глинка, также участник Отечественной войны, писал: «Вчера <1 сентября> брат мой, Сергей Николаевич, выпроводил жену и своих детей. Сегодня жег и рвал он все французские книги из прекрасной своей библиотеки, в богатых переплетах, истребляя у себя все предметы роскоши и моды. Тому, кто семь лет пишет в пользу отечества против заразы французского воспитания, простительно доходить до такой степени огорчения в те минуты, когда злодеи уже приближаются к самому сердцу России» (Глинка Ф. Н. Письма русского офицера: Проза. Публицистика. Статьи. Письма. М., 1985. С. 161—162).

Мы публикуем анекдоты, отражающие особенности сюжетного мышления и стиля С. Глинки. Опуцены связанные биографии героев Отечественной войны (за исключением жизнеописания М. И. Кутузова, композиционно представляющего собой цикл анекдотов), тексты, принадлежность которых другим авторам отмечена самим С. Глинкой, а также тексты, представляющие собой описание реакции на рескрипты высочайших особ и журнальные статьи, жанрово не подпадающие под определение анекдота и носящие, скорее, репортажный характер.

Текст печатается по изданию 1820 г., где впервые раскрывается тема Отечественной войны. Мы печатаем текст по современной орфографии с сохранением лишь значимых написаний. Примечания С. Глинки отмечены знаком *.

Усердие Калужских жителей к отечественному герою

При начале Отечественной войны тысяча восемьсот двенадцатого года на поприще героев недоставало еще Милорадовича:¹ он был Киевским военным губернатором. Вскоре и сей последователь славы Суворова призван был государем к обороне Отечества. Приезд генерала Милорадовича в Калугу произвел всеобщий восторг и был для граждан радостным предчувствием, что до града Калуги не дойдет враг строптивый. Все жители, от мала до велика, порываясь сердцем, спешили к нему навстречу; по обычаю русскому поднесли хлеб-соль, приветствуя словами любви и приверженности душевной. «Мы теперь спокойны, — говорили они. — Господь Бог послал нам славного генерала Милорадовича. Велик Бог; велик царь православный!» Сердца истинных героев, непоколебимые в часы смертной опасности, всегда преклоняются на голос любви соотечественников. Русской герой Милорадович в умилении душевном отвечал: «Всё сделаю для вас, что Богу угодно; не пожалею жизни. Ничем иным не могу возблагодарить за чувства, которые вы мне изъявили».²

Прибытие генерала Милорадовича в древнюю русскую столицу также восхитило сердца, как и в Калуге.³ Имя его перелетало из уст в уста. Многие от должностей гражданских спешили под знамена героя.

Русская речь Никифора Михайлова, крестьянина государева села Крылацкого, что близ Хоросхева

Когда пришла весть из Москвы в село *Крылацкое* о вооружении к защите веры и храмов Господних, крестьянин *Никифор Михайлов*, воспылав благословенною ревностию, созвал трех сынов своих, перекрестился и сказал: «Молвят нам слово *царя-государя*, на старости лет пойду с вами на врагов нашей веры. Не дадим испить злодеям и крови нашей православной; одни кости оставим: пусть гложет их враг ненасытный!..»

Сыны отвечали: «Пойдем, куда велит *царь-государь*: не отдадимся врагу; положим головы наши за веру и за храмы Божии».

¹ Милорадович Михаил Андреевич (1771—1825), в 1812 г. генерал от инфантерии; Киевский военный генерал-губернатор с 12 декабря 1810 по 10 июля 1812 г.; руководил формированием резервных войск; после Бородина начальник арьергарда русской армии. Милорадович — сын генерал-майора А. С. Милорадовича, друга А. В. Суворова, во время заграничного похода дежурный генерал последнего. Ср.: Анекдоты и черты из жизни графа Милорадовича / Собраны графом М-чем. СПб., 1886. С. 26—27.

² Сходное описание (откуда, возможно, и заимствовал его С. Н. Глинка) см.: *Зельницкий Г. К.* Описание происшествий 1812 года, случившихся в пределах Калужской губернии, или Изображение достопамятных деяний, героических подвигов и отечественных пожертвований калужского дворянства и всех сословий сей губернии. М., 1815. С. 59.

³ В Москву Милорадович заехал до прибытия в Калугу, хотя Калуга была ближе к нему на пути из Киева (см.: *Бондаренко А. Ю.* Милорадович. М., 2008. С. 191—192).

Усердие русского купечества к военнослужащим

1812 года каждую неделю два раза «Ведомости» извещали о пожертвованиях для составления Московской военной силы, и каждый раз русские сердца наполнялись новой радостью.

Хвала тем, которые ревностно и усердно несут жертвования на алтарь Отечества! здесь прославят имена их *государь* и Отечество; в жизни же бесконечной, где свидетельствуют о нас одни дела, Богом вознаграждаются те, которые *имуществва и души полагали за братию*.

Кроме общих пожертвований, почти каждый день происходили в Москве *частные пожертвования*, также относившиеся к *общей пользе*. Благотельный ростовский купец *Иван Семенович Рахманов*, живущий в Москве, старался всячески узнавать от своих знакомых, не нуждается ли кто из поступавших в новую военную силу. Скрывая имя свое, он провождал сукно собственного изделия, говоря, что *долг каждого русского помогать русским, чем кто может*.

В войну с французами многие благотельные купеческие семейства занимались приготовлением *корпии и бинтов*; многие из них придумывали все способы, чтобы хотя чем-нибудь изъяснить усердие свое военнослужащим.

Какой полезный и спасительный пример! Малолетние дети, участвуя в трудах своих матерей, научаются любить от всего сердца русских защитников Отечества. Такой пример есть подлинное *русское наставление*.

Из множества свидетельств усердия русских купцов к военнослужащим расскажу еще один случай.

1812 года один из наших раненых героев покупал в рядах шляпу и шпагу; выбрав, хотел расплатиться. Купцы никак не принимали денег. Герой наш наконец сказал, что оставит покупку. Русские купцы отвечали: «Исходишь все ряды, всё то же будет. Никто не возьмет с тебя денег; ты проливал кровь за великого *государя* и за веру русскую: не ты должник, мы тебе должники».

Русские добродетели (Из записок русского офицера)

Во время отступления войска от *Вильны* к *Дриссе* разные отделения, чтобы не быть отрезанными неприятелем, шли быстро и непрерывно, преодолевая все трудности. Наступил жар чрезвычайный; 25 июня оный до такой степени увеличился, что почти был нестерпим. Русские всё переносят для России. Войска 4-го корпуса в сей день сделали более сорока верст, и около полудня пришед к местечку *Басиники*, должны были остановиться на открытом поле, не имея ни воды, чем утолить жажду, ни лесу, где бы укрыться от солнечного зноя. Объезжая по должности лагерь, встретил я несколько воинов, обессиленных от усталости, лежавших на траве и горько роптавших на свою долю. «Куда ведут нас? — говорили он, — что, разве мы трусы? Мы русские, мы рады сразиться с врагами. Зачем же нам отступать? Не быть проку в нашем отступлении; пропала матушка Россия!» — Вдруг раздался голос: «Что вы говорите, безрассудные!» Я оглянулся и увидел престарелого воина; он вещал с негодованием, подошел к молодым воинам

и с сердцем продолжал: «Вам ли роптать на начальников? От того, что сделали трудный переход, вы пустились их пересуживать? Я сам чуть жив от усталости; но прикажут — иду, куда угодно, не смотря ни назад, ни вперед. Наши начальники, верные слуги государевы, знают, что делают. Они ведут нас к добру; они отвечают за нас Богу и царю: наше дело слушаться и молиться богу. Чем труднее, тем солдату славнее. Молчите и стыдитесь! не гневите Бога!» — Подъехав к почтенному старому воину, я спросил: «Давно ли ты в службе, добрый старик?» — «Двадцать шестой год, ваше благородие! — отвечал он, — я был с Суворовым во всех походах, видел нужду и труд. Досадно на молокососов: разохались от того, что немного повспотели! А как бы пришлось им карабкаться на горы, да лазить по пропастям. Мы и в Италии, и на горах не охали. Молились Богу, да шли, куда велят». Я потрепал старого воина по плечу. Молодые солдаты, устыдясь, что роптали, посадили старого служивого, окружили его и просили рассказать о походах. «Готовы, — примолвили они, — готовы идти, куда велят, рады на все!» Когда же старый воин заговорил о делах Суворова, молодые воины забыли, что их солнце печет, и без воды освежились. Русские любят слушать о делах богатырских.

Порецкой крестьянин

17 июля вступила главная квартира 1-й Западной армии в *Поречье*, первый город Смоленской губернии.⁴ Жители с радостью приняли своих соотечичей, но и ужасались также, зная, что неприятель недалеко. Поутру велено войскам выступать. Сей приказ распространил повсеместный страх: все начали с торопливостью выбираться. Какое скорбное зрелище представлял тогда город *Поречье*! Жители слезно прощались с домами своими; печально шли русские воины через город. «Мы отдаем врагу родные пепелища, — говорили они, — спешим в сердце матушки России!» Во время общей тревоги пришел я в дом, где был постоем. Добрый мой хозяин, *крестьянин порецкой*, собирал семью свою в поход. Жена и дети приготовились идти куда глаза глядят. Снабдя семейство свое на дорогу деньгами, старик стал посреди комнаты на колени; жена его, невестка и пятеро внучат также стали на колени подле него. Все со слезами и рыданием молились Богу! Крестьянин встает, снимает со стены образ Спасителя, благословляет внучат, потом отдает жене и восклицает: «Прощайте! Бог с вами! Ступайте скорее с войском православным»... Обнимает жену, невестку, внучат; выпроваживает, а сам затворяет дверь и бросается в угол на скамью. «Добрый старик! — спросил я, — что же ты не следуешь за своею семьею?» — «Да куда, родимый, идти? Не побегу из своего дома: что ни будет со мною, — будь во всем воля Божия! У меня есть пика, топор и ружье: чего мне бояться? Умру, а нечестивых в дом свой не пущу». — «Что за прибыль?» — сказал я. — Тебя убьют понапрасну, и нечестивцы осквернят твоё жилище». — «Пока жив, — отвечал крестьянин, — не бывать этому; а коли меня убьют, так не напрасно. Смерти не боюсь! Руки и ружье есть, есть еще и сила; поможет Бог, сгинет от меня врагов десяток и более, а потом хоть и самого убьют, что за беда? Я умру по-христиански».

⁴ Командующим 1-й Западной армией был М. Б. Барклай-де-Толли.

Вера и великодушные смоленского духовенства

Когда главная квартира находилась в Смоленске, был я очевидцем приверженности жителей сего древнего города к вере предков и усердия их к царю и Отечеству. С каким восхищением все жители нас приняли и какие теплые молитвы воссылали к Богу о поражении врага, то может только чувствовать русское сердце посреди своих русских собраний! Воины и жители составили одно семейство. С братскою любовью каждый день вместе ходили к церкви, вместе молились за *царя*, за спасение древнего града Смоленска, за избавление матери России. Блеснул луч отрадной надежды! 26 июля отдан приказ: *идти вперед*. Восхитились воины русские, радостно летели по *Руднинской дороге*, все горели нетерпением встретить и разить врага. Но Провидение иначе расположило! Войска вскоре принуждены были возвратиться к Смоленску. Наполеон с полчищами двадцати европейских народов упорно приступал к стенам града русского. Во время кровопролитных битв в течение трех дней церкви в городе не затворялись; служители алтарей Божиих совершали непрестанные моления среди дыма, пламени и при громе ревущих жерл, метавших гибель и смерть. В сии только минуты вышли ревностные служители алтарей, сопровождая чудотворный образ Божией Матери. Никакое перо не опишет сего разительного шествия! Город в пламени; враг торжествует; Заступница Смоленска удаляется... Кто всё сие видел, тот не удивится, что число наших войск, впятеро менее наполеоновых полчищ, несколько дней удерживало врагов под стенами Смоленска и, каждый раз отражая его, наносило ему гибель и смерть. В очах и сердцах русских были Бог, вера и святыня праотеческая. Каждый воин, проходя на бой через город, слышал моления священнослужителей, пение божественное, и был благословляем непобедимым оружием креста. Пламенела кровь русская; летели русские воины с Богом и верою на врага коварного, который поклялся аду славиться злодействами!..

Пример супружеской любви в крестьянском состоянии

Незабвен будет тысяча восемьсот двенадцатый год и в летописях отечественных, и в сердцах россиян, доколе они будут русскими! Ужасная, грозная буря восшумела на пагубу нашего Отечества; но вера и верность обратили сию бурю на пагубу врагов Бога и губителей человечества. Чем более усиливались враги на пагубу россиян, тем более усиливались россияне к обороне престола и Отечества. Известно уже целой Европе, что в сие время дворяне, помня верность своих предков, вооружили десятого человека к составлению ополчения. Старики спорили с молодыми, кому идти против врага за веру, за родную землю, за царя православного. Воины русские давно говорили: трудно ли помолодеть и престарелому, когда надобно защищать свой родной, свой отечественный край? В достопамятный 1812 год и поселяне русские такую же оживлялись ревностию.

Коломенской округи деревни Жуковой, принадлежащей Николаю Александровичу Янькову, пожилых лет крестьянин Павел Петров, имеющий двух же-

натых сынов и внучат, возгорел желанием вступить в ряды воинов-поселян. Не смотря на все убеждения семейства своего, явился он к начальнику, набравшему Коломенское ополчение. «Хотя я уже и стар, — сказал он, — но рад умереть за землю русскую, за веру, за царя православного. Не смотрите на мои лета; верую и правдою постою против врагов». Начальник, похвалив его усердие, убеждал, однако, чтобы за старостию лет остался дома. Видя же непреодолимую его ревность, согласился наконец принять.

Уже воинам-поселянам сказан поход. Поруча себя Богу, радостно готовятся они на смертной подвиг. Крестьянин Павел Петров, благословя свое семейство, стал в ряды и вместе с другими не шел, а летел. Жена его Аксинья Васильева, почти равных с ним лет, запасшись на дорогу, чем могла, пустилась с ним вслед, настигла его и сказала: «Сердце мое не утерпело; жаль мне стало тебя, нашего кормильца: пока велит Господь Бог, буду с тобою неразлучна!». Без малейшего ропота, с твердостью и терпением делила она с мужем своим в походе все тягости, заготовляла для него всё нужное и от всего сердца радовалась, что хотя мало могла успокаивать того, с кем Бог велел ей жить и умереть. Непрестанные труды истощали силы сей крестьянки, оставившей дом, детей и внучат, чтобы только облегчить тягости, переносимые престарелым ее мужем. К неутешной его скорби, она умерла на пути к Смоленску, оставя детям и внучатам пример супружеской любви, освящаемой верой и Богом.

По окончании похода ратник Павел Петров скорбел только о том, что могила верной его подруги далеко от родного пепелища. В награждение за ревность к службе государевой помещик уволил его от оброка и всех повинностей.⁵ В кругу детей и внучат Павел Петров часто вспоминает неразлучную и верную свою супругу и говорит со слезами: «Тоска как камень лежит на моем сердце! Я думал, что она мне закроет глаза, а она для меня не пожалела жизни своей... Но да будет воля Божия! Господь Бог наградит ее в небесах».*

Воспоминание о воинах Бородинских

Пройдут годы, пройдут веки, — и Россия, и Европа, и вселенная не забудут битвы Бородинской!

Какое различие сил! С одной стороны народы целой Европы; с другой — одни россияне! Но с русскими Бог и вера; в душе царь, за ними — Москва, град первопрестольный, со всею святынею, со всеми отечественными напоминаниями. Двадцать народов европейских пришли оросить кровью своей чужую землю за чуждого властелина; русские сражаются в Отечестве за веру

⁵ Николай Александрович Яньков (род. 1763), деверь Е. П. Яньковой, известной по книге ее внука Д. Д. Благово. Невестка характеризует его как «очень доброго и хорошего человека» (Рассказы бабушки из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово. Л., 1989. С. 320).

* Сей пример супружеской любви в крестьянском состоянии сообщен Д. А. Яньковым.

праотеческую, за царя природного, за братьев, за друзей, за жен, за семейства, за священный прах предков!.. Вождь русский мог бы не дать битвы Бородинской; но он отовсюду внемлет: «Не отдадим без бою столицы первопрестольной; пусть по трупам нашим идут враги во град древний, град, священный каждому россиянину. Не жалеем себя; готовы груди наши в отпор врагу; понесем главы свои; да не рекут потомки: русские воины были у Москвы и не испытали последних усилий!»

Началась битва — такая, какой не зрела вселенная от бытия времен и войны! Вождь ада ад призывает; вождь православный к Богу душою возносится. Едва воззрел он в небеса, и уже над главою его, убеленную пятидесятилетним служением Отечеству, воспарил орел, вестник и знамение русской славы!..⁶

О россияне, народ единственный по вере и верности! и в те мгновения, когда почти целая Европа подвиглась на вас и шла на поражение беспощадное, и тогда вы гласом радостным воскликнули: *ура! с нами Бог!*

Гремят тысячи громов; сверкают молнии в тучах дыма и праха; сыплются ядра градом частым и густым; померкло солнце; возмутилась природа; под стопами сражающихся исчезла земля. ...Повсюду кровь, трупы, члены оторванные и разбросанные... И сама смерть удивилась такому поражению! Никогда не пожинала она подобной жатвы, и никогда не было смерти такого помощника, как ад французской... Вскоре, вскоре в двадцати европейских областях матери, отцы, жены прольют слезы, восстонут о сынах, о супругах своих! С поля Бородинского донеслась к ним весть скорбная: *Их нет! Вы и праха их не увидите!*

Много и русских героев пало на поле Бородинском. Пал вождь опытный, соратник славы Суворова, пал Багратион. На него устремив первый напор, Наполеон кровожадный мечтал, что сдвинет, сомнет полки Багратиона и по трупам их с орлами своими и при звуках торжественных понесется к Москве и в Москву. Обманулся; отражен, пристыжен, свирепствуя в отчаянии, увидел, что не многочисленность, но вера и верность составляют силу воинства. Ранен Багратион.⁷ Ему хотят отнять ногу. «Оставьте, — говорит он, — эта рана за Москву; с нею умру. Предчувствую мою кончину: Боже! спаси Отечество!»⁸

⁶ См., в частности: Глинка Ф. Н. Очерки Бородинского сражения (Воспоминания о 1812 году) // Глинка Ф. Н. Письма русского офицера: Проза. Публицистика. Статьи. Письма. М., 1985. С. 45.

⁷ Багратион действительно отказывался от ампутации даже после того, как гангрена стала очевидной. Описание смерти полководца опубликовал его врач: Говоров Я. И. Последние дни жизни князя Петра Ивановича Багратиона. СПб., 1815.

⁸ С. Глинка неточно цитирует предсмертную записку П. И. Багратиона к Ф. В. Ростопчину: «Когда утром того дня, в который Москва впала во власть неприятеля, я приказал объявить ему, что надо уезжать, он написал мне следующую записку: „Прощай, почтенный мой друг. Больше я не увижу тебя. Я умру не от раны моей, а от Москвы“» (Ростопчин Ф. В. 1812 / Публикация, перевод с фр., вступ. заметка и примечания С. Искуля // Звезда. 2010. № 8. С. 155). Глинка мог знать о существовании этой записки от самого Ростопчина.

На битве Бородинской пал юный герой Кутайсов,⁹ отважный и искусный метатель громов и молний военных. Веселилось Отечество исполинскими его шагами на поприще славы; восскорбело, услыша весть: *нет Кутайсова!*

Под Бородиным лишился ноги неустрашимый Бахметев;^{*} во цвете, в красоте лет не возмутился он от сей раны.¹⁰ Раны, понесенные за Отечество, суть украшение героев.

И ты, о мой друг Тучков!¹¹ и ты во цвете лет и мужества пал на кровавом поле Бородинском!^{**} Не смею отдельно о тебе вспоминать!.. Все войны, запечатлевшие под Бородином кровью свою веру, верность, любовь к царю и Отечеству, — все те войны наши братья, наши друзья: они защитники земли родной; их подвиги вечный пример для потомства.

Битвою Бородинскою не спаслась Москва; но ею решился жребий Европы. На поле Бородинском с бесчисленными жертвами Наполеонова властолюбия навсегда погреблась мнимо непобедимая его слава. Вселенная увидела, что один народ, непоколебимый в вере к Богу, в верности к царю, в любви к родной стране, — один такой народ может противустоять двадцати племенам...

В начале битвы Бородинской повелитель ада французского сулил полчищам своим, что не помощью Божией, к которой прибегает *государь Александр*, но одною их храбростью низложит полки русские; к вечеру — богохулиатель со стыдом отступил... Российский *государь Александр* призывал Бога; воины его устояли!..

Желаю бы исчислить имена всех воинов, павших на поле Бородинском; но полного известия о сей бессмертной битве еще ждет Россия.

Желательно, чтобы по примеру предков имена всех воинов Бородинских вписаны были в *памятную книгу*; желательно, чтобы по сооружении в Москве

⁹ Александр Иванович Кутайсов (1784—1812), генерал-майор, начальник артиллерии 1-й армии, погиб на батарее Раевского. В. А. Жуковский посвятил ему две строфы в «Певце во стане русских воинов» (*Жуковский В. А.* Полное собрание сочинений и писем. Т. 1. Стихотворения 1797—1814 годов. М., 1999. С. 235).

* Алексей Николаевич.

¹⁰ Бахметев 3-й Алексей Николаевич (1774—1841), генерал-майор, начальник 23-й пехотной дивизии. На Бородине Бахметеву оторвало правую ногу выше колена. Его спас П. А. Вяземский, награжденный за это орденом Св. Владимира IV ст. 31 октября 1812 года Бахметев был произведен в генерал-лейтенанты.

¹¹ Тучков 4-й Александр Алексеевич (1778—1812), командир 1-й бригады 3-й пехотной дивизии. Его вдова Маргарита Михайловна (урожд. Нарышкина, 1781—1852) в память мужа построила на Бородинском поле небольшую церковь (1818—1820-е) и жила при ней. После смерти единственного сына Николая (1826) Тучкова создает женскую общину, преобразованную в Спасо-Бородинский монастырь (1838), принимает постриг и становится его игуменьей под именем матери Марии (1840). См.: *Глинка Ф. Н.* Письма русского офицера: Проза. Публицистика. Статьи. Письма. С. 118—119.

^{**} Генерал-майор Александр Алексеевич Тучков. Пусть, к утешению страждущей матери и супруги, младенец ее будет во всем подобен отцу. В военных известиях 1806 года сказано, что храбрый Тучков при Голоминском сражении под картечными выстрелами действовал с полком своим как на ученье. Говорят, что под Бородиным убит он в ту самую минуту, когда прокричал своему полку: вперед!

предполагаемого храма во имя Христа Спасителя книга сия внесена была в оный в жертву Богу и веры. С именем Бога и веры ополчились русские воины; кровью своею запечатлели обет верности; святилище веры да воспримет их под сень вековечного напоминания!

Воины, сыны Отечества и славы, вы, которые, мысленно созерцая святыню Московскую, за нее пали на поле Бородинском! уже и великий ваш вождь, тот вождь, который от Бородина до Эльбы вел за собою избавление России... уже и он с вами — в небесах!

Воины Бородинские! пролетят годы и столетия; но ваша слава дотоле не померкнет, доколе не затмится солнце, озаряющее Россию, доколе имя русское на лице земли не исчезнет и доколе останется одно русское сердце — к воспоминанию героев русских!

Подвиг Василья Александровича Павлова

Исполнение христианских обязанностей полезно для всех и каждого... Счастливы те, которые от ядовитого дыхания разврата предохранены попечениями отцов и матерей! Душевного почтения достоин юноша, свято хранящий веру отцов своих!

До знаменитой Бородинской битвы гвардейский артиллерии подпоручик *Василий Александрович Павлов* с верою и надеждою на Бога сил исповедовался и причастился в *Колоцком* монастыре. С сего часа он оживотворился решительным мужеством. В день сражения Бородинского с некоторым восхищением и как будто бы по предчувствию, что уже в последний раз говорит с соотечественниками, он произнес сии слова из Священного Писания: *Больше сея любви никто же имеет, да кто душу свою положит за други своя!*

Рано поутру переменял он пыльную одежду, нарядился как будто бы на пир, а не на битву смертную. Смерть за Отечество в Отечестве есть пир и торжество!.. Верный служитель Павлова хотел следовать за ним на поле битвы; он сказал ему: «Останься здесь; там опасно для тебя: там наше место». Желая пощадить юность Павлова (ему не было и девятнадцати лет), начальник хотел назначить место не так опасное. Павлов отвечал: «Никому не уступлю своего места; мы во ста верстах от Москвы: там моя родина, там моя мать... Теперь ли мыслить о своей личной безопасности? Я поклялся не щадить себя за веру, царя и Отечество: не мне, им принадлежит моя жизнь».

Оставшись на своем месте, удачными выстрелами взорвал он на воздух одиннадцать неприятельских ящиков. Мужественный генерал Ермолов,¹² быв свидетелем непоколебимой решительности Павлова и искусного действия его пушек, обнял его и поздравил с царскою милостию... Небесный Царь иначе расположил! В четыре часа пополудни Василий Александрович Павлов пал под острием смертной косы: он увял на заре лет, питавших сладкою надеждою мать, родных и друзей!..

¹² Ермолов Алексей Петрович (1777—1861), во время Бородинского сражения генерал-лейтенант, начальник штаба Кутузова.

Матерь осиротевшая! не сокрушайся! Твой сын с верой и надеждой перешел в небесное отечество; вера и надежда и тебя туда приведут. Ты встретишься с сыном своим пред лицом Бога Утешителя; ты не отдашь за него ответа: он умер сыном веры и Отечества!

Состояние Москвы после Бородинского сражения до входа в онаю врагов

После Бородинской битвы слабые лучи надежды просиявали и мгновенно исчезали. Много разносилось радостных вестей; но скорбь тяготила души. Между тем, чтобы дать время оттянуться к Москве казенным и частным обозам, чтобы спасти сколько возможно раненых, русские войска удерживали шесть дней сильный напор врагов, к которым подоспели свежие полчища после Бородинского дела.

Какое жалостное зрелище представляла Москва в последние дни августа! Тысяча повозок тянулись с ранеными; воины, еще не обсохшую кровию обгаренные, лишенные рук и ног, страдали, но не роптали. Московский градоначальник¹³ и в сии слезные минуты, зная доброту русского сердца, увещевал обывателей посещать раненых, кормить, одевать и облегчать им болезнь христианским соболезнованием. Добродушные обыватели со всех рынков целые лотки калачей и хлеба несли раненым. Московский градоначальник сам несколько раз навещал раненых, к каждому подходил, каждого расспрашивал и, с избытком снабжая их всем нужным, говорил: «На здоровье, ребята! *Государь* всем жалует!» Последнее свое гостеприимство, последнюю свою хлеб-соль предложила Москва раненым своим братьям, верным слугам царя и Отечества.¹⁴

31 августа московский градоначальник издал воззвание к московским поселянам о защите Москвы. Сие воззвание вразумило московских поселян в том, что им надлежало делать для первопрестольной столицы, для матери, питавшей и хранившей чад своих. Не успела составиться особенная дружина; но по наглomu входе врагов в Москву составились тысячи московских дружин. Где же были сии дружины? Везде, где только были поселяне, верные Богу, царю и Отечеству.

Московские воины-поселяне

Дела воинов-земледельцев по Богородской округе

Экономических волостей вохновской голова Егор Стулов, сотенной Иван Чушкин и крестьянин Герасим Курин, 15 амеревской голова Емельян Васильев, собрав подведомственных им крестьян, пригласили также и соседственных.

¹³ Ростопчин Федор Васильевич, граф (1763—1826), московский главнокомандующий (военный губернатор) с 24 мая 1812 по июль 1814 г.

¹⁴ О мерах, предпринятых Ростопчиным для спасения раненых, см.: *Ростопчин Ф. В.* 1812. С. 160—161.

¹⁵ О крестьянах Герасиме Матвеевиче Курине (1777—1850), Егоре Семеновиче Стулове (1777—1823), Иване Яковлевиче Чушкине и Емельяне Васильеве (их имена выгравирована-

«Православные христиане! — сказали они. — Москва горит в наших очах; лютые злодеи побивают наших братьев; жгут и опустошают села, деревни; оскверняют церкви Божии!.. Жаль не себя, жаль своих православных. Поклянемся Святым Евангелием и Крестом Господним, поклянемся умирать друг за друга, за наши семейства, за *государя* милосердного, за святые церкви! Поклянемся не слушать никаких лукавых посулов наших злодеев. Нам от наших предков досталась речь: лукавого блюдися и как змея берегися. Слышно, что лукавый злодей сзывает к себе православных для всяких промыслов. Беда тому, кто пойдет к нему для корысти! Прогневит тот Бога и *государя*! Лучше претерпеть смерть, чем продать свою веру!»

Сии истинно русские крестьяне отважно нападали на неприятеля, когда приходил к родным их попелищам, и мужественно отражали, не жалея себя. Костями многих врагов усеялись нивы земледельческие! Вохонские крестьяне истребили до пятидесяти, а амеревские до трех сот врагов.

Дела воинов поселян по Серпуховской округе

Когда неприятельские отряды рассеялись для грабежа, оставшиеся в домах крестьяне употребляли хитрость к истреблению грабителей: они подпавали их и убивали, подвергая и собственную жизнь опасности.

Русские воины-поселяне охотно оставляли хитрость, где можно было действовать открытою силою и неизменною грудью.

Графа Владимира Григорьевича Орлова¹⁶ села Семеновского староста *Аким Дементьев*, графини Анны Алексеевны Орловой-Чесменской¹⁷ села Хатуни приказчик *Иван Ильин* и помещика Орлова сельца Горок староста *Никифор Савельев*, услыша, что неприятель идет по большой Каширской дороге, тотчас собрали ведомства своего крестьян, вооружили их копьями, вилами, топорами и домовыми ружьями графа Орлова. Призвав на помощь Бога, смело ожидали они неприятеля в деревне Папушкиной; но шайки *иноплеменных грабителей*, узнав о том, прошли мимо.

Дела земледельцев-воинов по Рузской округе

По Рузской округе *воины-поселяне*, во имя Бога и веры согласясь отстаивать родные свои попелища, в каждом селении учредили колокола. При появлении неприятеля в том или другом месте по звону колокольному поспешно сбирались по нескольку тысяч. Ополчась единодушием и вооружась чем кто мог, отважно нападали на неприятельские отряды и из оных истребили более тысячи человек,

---

ны на памятных досках храма Христа Спасителя) см.: *Ровенский Г. В.* 1812 год в Щелковском крае. Фрязино-Щелково, 2011.

¹⁶ Орлов Владимир Григорьевич (1743—1831), граф, младший из братьев Орловых, выдвинувшихся при Екатерине II, генерал-поручик.

¹⁷ Орлова-Чесменская Анна Алексеевна, графиня (1785—1848), камер-фрейлина, дочь и наследница генерал-аншефа А. Г. Орлова.

кроме пленных, взятых казаками при помощи *воинов-поселян*. Наконец октября 11 тысяча пятьсот русских *воинов-поселян*, пристав к казакам, способствовали к последнему изгнанию врагов из Ружской округи.

Дела воинов-поселян по Верейской округе

В исходе августа и в начале сентября голодные неприятельские шайки почти непрерывно нападали на Вышегородскую волость графини Головкиной;¹⁸ но и тут встречали врагов отпор верных и усердных *воинов-поселян*. Вотчинные старосты *Никита Федоров*, *Гаврила Миронов*, писали и дворовые люди *Алексей Кирпишников*, *Николай Усков* и *Афонасий Щеглов*, начальствуя над верными сельскими дружинами, прогоняли шайки *Наполеона*.

Неутомимо и ревностно оберегая вотчину во всё время бытности французов в Москве, они еще ревностнее вооружались против бегущих французов из первопрестольного русского града, где мнили навсегда владычествовать.

Бегущие отряды неприятельские покушались перейти *Протву-реку*, на которой мукомольная мельница о пяти поставах, а притом, ограбя московские церкви, им хотелось ограбить и сельскую церковь Успения Божией Матери, находящуюся близ помещицкого дома. В руки врагов мог бы также достаться запасный казенный амбар, в котором хранилось более пятисот четвертей ржи.

Два писаря Вышегородской волости *Алексей Кирпишников* и *Николай Усков* немедленно бросились в селение. «Друзья! — воскликнули они, — в последний раз докажем нашу верность: враги бегут из Москвы; в лютой злобе своей не пощадят они ни храма Божьего, ни селения господского: вооружимся! Бог нам поможет!» Мгновенно собралось до пяти сот *воинов-поселян*, и полетели против отряда неприятельского, состоявшего из трехсот грабителей. Между тем как мужественные крестьяне отражали отряд неприятельский, бывший в то время на мельнице работник Можайской округи экономической Ретайрской волости Ильинской слободы крестьянин *Петр Петров Комоланов* и товарищ его из деревни Лобованой графини же Головкиной *Емельян Минаев*, дав друг другу крепкое слово или умереть, или отбить врагов, под частыми ружейными выстрелами разрушали лавы на плотине и спускали воду, разбрасывая доски, которыми удерживалась вода в пруде. Спустив воду, остановили они неприятельский отряд, спасли дом помещицкий, хлебный запасной амбар, дома и имущество набережной слободки, состоящей из сорока осьми дворов, церковное жилье, наконец защитили от грабительства и поругания вотчинную церковь Успения Божией Матери. Вера укрепляла верных поселян в обороне святыни Господней! Великодушным мужеством *воинов-поселян* при том же случае спасены селы *Доброво* и *Понизовье*. Служители алтарей Господних, благословенные Святейшим синодом на оборону Отечества, также ревностно участвовали в защите селений и храмов Божиих.

¹⁸ Головкина (урожд. Нарышкина) Екатерина Львовна, графиня, жена дипломата, будущего члена Государственного совета графа Ю. А. Головкина.

Иоанн Скабеев,¹⁹ Верейский соборный священник села Дубровы, прилежащего к селу Вышегороду, с рвением пастырским возбуждал крестьян непоколебимо стоять за веру и родную землю. Успенской церкви пономарь *Василий Семенов*, находясь тогда в селе Дуброве и оживотворяясь примером усердного пастыря, участвовал в его общепользных подвигах и неоднократно, с оружием в руках, встречал и гнал неприятеля.

Таким образом, от лютого врага спасено наше любезное Отечество единодушием и единомыслием его сыновей, или, справедливее, *верою и верностью*, утверждающими народ в *единодушии и единомыслии*.

Староста сельца Смердина*

Верный староста Александр Фролов в грозную тучу, нашедшую на Москву 1812 года, показал веру и верность русского крестьянина. Враги уже злодействовали в Москве, а он отправлял все господские работы, подавая пример поселянам. Некоторые проезжие крестьяне говорили: что ты не продашь господского хлеба, ведь враги сгубят? — «Будь воля Божия, — говорил верный староста, — мое дело беречь; продавать мне не приказано». Злодеи были в девяти верстах от сельца Смердина и наводили мост на Клязьме, а у старосты Александра Фролова всё шло своим чередом. Он убрал с полей весь господский хлеб, сберег, что в доме оставалось; и когда в первый раз увидел господ, радостно им сказал: «Не боюсь теперь и умереть; голова моя ни в чем неповинна: Бог помог мне уберечь всё ваше добро!»

Верный староста *Александр Фролов* и соседних поселян советами и примером удерживал при их местах и при их деле. За добрый совет соседние крестьяне сказали ему спасибо; добрый староста отвечал: «Бог нас всех помиловал!»

Великодушный крестьянин Трофим Мартынов

В сентябре месяце 1812 года французы вошли в село *Козино*, находящееся в двадцати пяти верстах от Москвы, и требовали ста рублей серебром или грозили выжечь село; к подтверждению угроз своих зажгли они дом священника. В страхе и отчаянии поселяне бросились к зажиточному крестьянину *Трофиму Мартынову*. «Выручи нас из беды, — говорят они ему. — Бог тебя наградит!» Трофим Мартынов выносит врагам двадцать пять целковых; они непременно требуют ста и опять грозят истребить село. Между тем пламя от священникова дома неслоя ветром далее. Слыша жалостные вопли товарищей своих, великодушный Трофим Мартынов сказал: «Не тужите, братцы! Бог нас не оставит! Отдам злодеям всё, что есть за душою!» — сказал и вынес сто рублей серебром. Радуюсь добыче и услышав, что неподалеку находятся казачьи разъезды, враги удалились. Начиравшийся пожар прекращен был поселянами.

¹⁹ Священник Верейского Рождественского собора Иоанн Никифорович Скобеев (Скабеев) создал и руководил партизанским отрядом численностью свыше тысячи человек.

* Сие сельцо принадлежит П. В. Булгаковой.

Когда Бог, покровительствующий русским за веру и верность, изгнал врагов из земли русской, крестьяне, собравшись миром, принесли к Трофиму Мартынову сто рублей серебром. «Ты помог нам, — сказали они, — в горе и нужде; мы тебе отдаем только деньги, а за твое милосердие воздаст тебе Господь Бог». — «Братцы! — отвечал великодушный Трофим Мартынов, — вам и самим тяжело; не возьму всех денег; дайте половину. Остальную часть уплатите впредь, когда с помощью Божью поправимся».

Благодарные крестьяне, исправясь от разорения, уплатили долг великодушному Трофиму Мартынову, но, говоря их же словами, один Бог уплачивает за помощь, оказанную в горе и нужде.

Прибытие новых Донских полков под Тарутино

Знаменитое Донское войско, давно прославившееся мужественными подвигами, в Отечественную войну тысяча восемьсот двенадцатого года верою и верно-стию возвысило имя свое и славу предков.

Уже с полчищами всех европейских народов ворвался в пределы России завоеватель ненасытный; уже мечтал одним своим появлением всё низвергнуть и всё поработить. Между различными молвами, переданными ему его подзорщиками, разосланными, чтобы всё взглянуть в России, дошло до него, будто бы с берегов Тихого Дона не сберется более десяти тысяч воинов. «Война с Турцией, — говорили ему сии продажные души, — истощила донские полки; они ослабели, обессилели: Дон уже теперь не то, что был».

Между тем вождь Донского войска с усугублением опасности, грозившей Отечеству, восплалялся новым рвением к вере и царю. Зная приверженность донцов к престолу, граф Платов по собственному побуждению своего сердца, желая угодить царю и Отечеству, поспешно отправляет нарочного гонца на Дон, с провозглашением, что враги в бесчисленном множестве разоряют Россию. При сей скорбной вести *Тихой Дон* порывается весь от *старца* до *млада* лететь на поле ратное, защищать Россию, поразить врага, или умереть! Во всех станицах раздался голос единодушный: «Умрем за веру, за царя и Отечество; не отдадим Тихого Дона врагам на поругание!» Со всех станиц толпились сотнями; все горели нетерпением скорее быть на поле битв и смерти.

Ни в какой стране, кроме земли русской, не было такого примера, какой показали *тысяча восемьсот двенадцатого года* воины Тихого Дона. Старцы, давно отслужившие службу свою, давно увенчавшие себя ранами, честью и славою, — *старцы донские* первые собираются на рать кровопролитную, против врага нечестивого. Многие из сих великодушных донцов по сороку лет служили верою и правдою. Дивною ревностью, дивным мужеством дух их воспылал! Они собираются в поход как на брачный пир. Престарелые *молодятся*; скрадывают годы не для венца брачного, для подвига кровавого! Немошные и дряхлые приободряются, приосамливаются; хватают копыя, дротики; полетом богатырским взлетают на коней; прощаются с женами; Богу милосердому препоручают милых чад своих, и не хотят их видеть, пока врага не прогонят.

Двадцать полков собралось воинов заслуженных и престарелых. Диво ли омадеть старости верою, верностью, любовью к царю и Отечеству? Опустел *Тихой Дон!* Двинулись все, кто только мог владеть дротиком; кто только мог сесть на коня! Жены донские вместо мужей принимаются за плуг; мужья их летят на поле ратное, жены идут обрабатывать запустелые поля земледельческие. Бог укрепляет руки жен слабых; Бог оживляет старость, дальними походами, тяжкими трудами истощенную. В дальнейшем потомстве царства русского прогремит подвиг войска *Донского!*

Быстро прибыли к воинству русскому полки донцов престарелых! Никто их не ждал, кроме войскового атамана Платова. Он знает донцов; знает их верность к царю и Отечеству. Удивился и светлейший князь Кутузов! Все войска русские возвеселились, все друг друга ободряли, все говорили: «Как нам не постоять за себя, как врага не прогнать! И старики донские поднялись! Стыдно нам будет, естли отстанем! Их Бог принес, нам Бог поможет!»

Речь графа Платова прибывшим донским воинам

Атаман граф Платов встретил верных донцов со слезами благодарности. «Друзья! — сказал он, — сам Милосердый ускорил ваш путь! Наступило время донцам доказать всю силу нашего усердия к Богу, государю и Отечеству. Мы в душах запечатали милости царские, у нас в душах и Отечество. Не щадя голов своих, докажем им снова наше рвение, нашу любовь!.. Вы донцы, вы сыны земли русской; не утерпели ваши сердца: вы прилетели в соучастники общей славы. Друзья! злодей в стенах Москвы; он всё в пепл обращает; он, может быть, алчет распространить зверство свое и в дальнюю внутренность России: преградим путь врагу свирепому; умрем здесь или выгоним его из земли русской. Вы охотою пришли подкрепить нас; правосудный Бог нам поможет. Враг идет на нас с адом; мы на него пойдем с крестом животворящим! Естли б Бог попустил, естли б враг прорвался до берегов Тихого Дона, не пощадил бы он ни жен, ни детей наших!.. Кровь наша смешалась бы с волнами Тихого Дона! Поруганы б были храмы Господни; встревожился б прах наших отцов... Друзья и братья! Воскликнем к Господу сил: „Не для нас, Господи! для имени Твоего вспомоществуй нам поразить, устыдить, изгнать врага“».

В слезах и со вниманием слушая речь своего атамана, все донцы громогласно возопили: «Готовы умереть везде, где ты, наш отец, нам прикажешь. Отмстим, отмстим злодеям за кровь братьев наших; умрем, а далее врага не пустим!»

Воспоминания о князе Кутузове-Смоленском

Давно ли в восхищении душ и сердец наших внимали о громких подвигах князя *Кутузова-Смоленского?* Давно ли сей великий полководец от берегов отечественной реки *Нары* привел победоносные русские войска на иноземные берега *Одера* и *Эльбы?* Давно ли, как будто бы забыв, что чело сего русского вождя убелено семьюдесятью годами, в очаровании сладостных надежд думали, что по-

лету его не будет предела?.. Мы думали, и уже можем только предлагать одни воспоминания о подвигах князя *Кутузова-Смоленского!*

Предводимый Богом и животворимый верою, дивный подвиг совершил *Кутузов-Смоленский* в том самом Отечестве, где до *тысяча восемьсот двенадцатого года* был он в числе второстепенных *государственных полководцев*. Оставшись после *Румянцева* и *Суворова* на поприще службы и славы, он вступил на чреду первых *государственных полководцев*; вступил... и в *восемь месяцев* затмил *двадцатилетний* блеск побед *мнимо непобедимого!*

Молва уносится быстрым полетом времени; истинная слава утверждается постепенным течением веков. Слава *Кутузова-Смоленского* есть слава и благо Отечества. *Кутузов-Смоленский* сражался в Отечестве для спасения Отечества. *Димитрий Донской*, князь *Пожарский*, *Петр Полтавский* и *Кутузов-Смоленский* напечатлели имена в летописях отечественных по подвигам, произведенным в недрах России к спасению россиян.

Великодушное терпение, честь, вера и верность суть качества истинных *государственных полководцев*. По праву деяний своих князь *Кутузов-Смоленский* вступил на чреду *первостепенных государственных полководцев*. Просто напоминание о долголетней его службе, о качествах и о воинских его делах служит сему русскому полководцу лучшим похвальным словом.

Кутузов вступил на поприще военной службы *тысяча семьсот пятьдесят девятого года* и кончил жизнь и подвиги *тысяча восемьсот тринадцатого года*. При одном сближении начала службы с прекращением оной каждый по справедливости может сказать: «*Вся жизнь Кутузова-Смоленского посвящена была Отечеству*».

Некоторые изречения Суворова о Кутузове

Всё то, что относится к великим людям, по большей части тогда только возбуждает общее любопытство, когда они уже делаются великими: вот отчего многие подробности о прежней их жизни почти вовсе пропадают. *Кутузов-Смоленский* почти при первых воинских опытах по делам своим заслужил имя *храброго*. *Румянцев*, *Суворов*, *Репнин* и многие отличные военные люди были тогда на ратном поприще. Кажется, что *Суворов* прежде всех угадал, чем будет некогда *Кутузов*. По изустному преданию сохранились некоторые изречения *Суворова* о *Кутузове*. Не нужно повторять, что *Суворов* действовал и изъяснялся по-своему. Предложу некоторые изречения *Суворова* и те случаи, которые подали к оным повод. Я предлагаю по слуху, почему и надеюсь, что извинят меня, если что не так предложено.

В 1774 году в Крыму, при взятии неприятельского укрепления в деревне *Шумне* близ *Олуштанской* пристани, был *Кутузов* ранен пулею на вылет через виски и мимо глаз. Сия удивительная рана возбудила общее внимание европейских врачей. Прибавляют, что в ту минуту, когда *Кутузов* был ранен, он стоял на камне, нависшем на ров, и что с сего камня в беспамятстве упал в ров на тела убитых. Говорят также, что по случаю сей необычайной раны *Суворов*

сказал: «Кутузов получил рану, какой в Европе не бывало; а в целой Европе ничто ни на волос не пошевелилось».

Естьли сии слова справедливы, то они доказывают, что пронизательный Суворов и тогда уже замечал в Кутузове те воинские способности и те душевные качества, которые могут удивить Европу.

Собиратель писем и анекдотов, относящихся к жизни Суворова, говорит: «Отменное уважение Суворова к достоинствам и храбрости генерала Голенищева-Кутузова известны во всём российском войске. Отправляя его куда-либо с частью войска, он оставался спокоен и был уверен, что всё будет сделано, что только сделать можно».

Нынешнего года от одного иногородного жителя получил я следующее замечание: «Хотя князь Кутузов-Смоленский не был на такой степени, но он был всегда душою тех войск, которые находились под его начальством. Я служил некогда в *Мариупольском полку*, им устроенном. Там от первого до последнего человека помнили его расторопность, искусство, повелительный голос и все прочие воинские качества. От Кутузова принял сей полк *Иосиф де Рибас*.²⁰ Сказывают, когда императрица Екатерина Великая спросила у Суворова, каков генерал Кутузов, Суворов отвечал: „Хорош, очень умен, его и Рибас не обманет“.²¹ Сии слова вошли в русском войске в поговорку».*

Сказывают также, что Суворов говорил: «Я не кланяюсь, не кланяюсь Кутузову: он раз поклонится, а десять раз обманет».**

Воинское соревнование желает первенства. Хотел ли Суворов, чтобы кто-нибудь при жизни его поравнялся с ним в делах славы? Кажется, что нет. А видно из всех слов Суворова, что в Кутузове усматривал он соперника. Притом же, по особенному образу изъяснения, Суворов часто говорил не то, что думал. Суворов писал об одном иностранном генерале: «Он добрый человек! В свою очередь не преминет выдать меня за себя».

Изречение Кутузова о Суворове

После битвы при Малоярославце быстро побежали толпы Наполеона. В преследовании их надлежало сражаться с зимними непогодами, с голодом и выносить всё то, что только могут перенести сыны Севера, укрепленные Богом и природою. В приказе к войску, объясняя вновь предстоящие труды и подвиги, Кутузов ска-

²⁰ Рибас Осип Михайлович (де Рибас Хосе, 1749—1800), испанец на русской службе (с 1772 г.), предложил одобренный Суворовым план взятия Измаила.

²¹ Ф. Н. Глинка так писал о дипломатических качествах Кутузова: «О! он знает сердце человеческое! он знает, что одной ложкой меда больше можно сманить мух, нежели целой бочкой уксуса» (*Глинка Ф. Н. Письма русского офицера. С. 178*).

* В собрании писем и анекдотов случай, по которому сказаны сии слова, иначе предложен (стран. 115). Не могу утвердить, что справедливее.

** Военные обманы и хитрости суть достоинство. Зрелая прозорливость Кутузова уничтожила в России все буйные замашки наглого Наполеона; и объясняясь изречением священным, можно сказать, что Кутузов поверг Наполеона в болезнь посмеятельного страха.

зал: «Помните, что говорил великий Суворов: переносите голод и холод, добрые русские солдатушки!»

Я слышал, что сей приказ произвел восторг и в начальниках, и в подчиненных. Все единодушно говорили: «Кутузов любит, Кутузов помнит Суворова!»

И Кутузова не забудут русские, доколе будет Россия.

Слова из приказа предложил я по памяти; может быть, и не так, но смысл точно в том состоял. Желательно, чтобы для славы русских полководцев собраны были в особой книжке все приказы и письма, изданные в течение 1812 года. Всё, что относится к сему достопамятному году, всё то заслуживает внимания потомства.

Храбрый Кутузов* при осаде крепости Измаила

При осаде турецкой крепости Измаила, укрепленного французами и защищаемого почти целым турецким войском, при сей знаменитой осаде, где каждый шаг надлежало приобретать новым поражением, Кутузов оказал все блестящие воинские качества: неустрашимость, *великодушие*, благородное соревнование и прозорливость.

«Шестая колонна под начальством генерал-майора Голенищева-Кутузова составлялась из трех батальонов со сто двадцатью стрелками Бугского егерского корпуса и в резерве два батальона Херсонского гренадерского полку и тысяча казаков.

С левого крыла в присутствии генерал-поручика Самойлова шестая колонна, предводимая генерал-майором Голенищевым-Кутузовым, одновременно с первой и второю колонною, преодолев весь жестокий огонь картечный и ружейный, дошла до рва; командовавший егерями бригадир Рибопьер положил тут жизнь свою; скоро колонна спустилась в ров, взшла по лестницам на вал, несмотря на все трудности, и овладела бастионом. Храбрый генерал-майор Голенищев-Кутузов мужеством своим подавал пример подчиненным и сражался с неприятелем; но многочислие его воспрепятствовало на первый миг распространиться войскам по валу, и для сего призвал он Херсонский полк, в резерве бывший, оставя двести человек при пушках на контр-эскарпе. С прибытием резерва неприятель не токмо отражен, но и знатною частью побит; твердая в той стороне нога поставлена и войска наши простирали победу по куртине к другим бастионам.

Все сии три колонны, исполняя мужественно, храбро и с удивительною быстротою предписанное им в данном распоряжении, *первое положили основание победы*».**

Прозорливость Кутузова и усердие к общему делу

«Кутузов, заняв два *полигона* на левой стороне крепости к реке, взшел бы на вал вместе с первыми колоннами; но обе подле него находившиеся колонны, четвертая и пятая, встретили весьма сильное сопротивление и были

* Так назван Кутузов Суворовым в представлении об отличившихся. Смотри временные известия с 1787 по 1791 год.

** Из военных известий с 1787 по 1791 год.

турками отбиты; почему послал он им в подкрепление один егерской батальон. Вода во рве с той стороны, где обе сии колонны должны были пробираться, доставала до пояса и промочила у казаков длинное их платье, отчего весьма трудно было взлезать на вал; а хотя по лестницам и взошли, но по причине сильного сопротивления не могли на валу удержаться. Обе колонны были вдруг опрокинуты с оного в ров. Между ними находились Бендерские ворота, из коих *турки* с ужасным криком учинили вылазку почти в десяти тысячах; между турками сражалось немалое число и женщин с кинжалами. Кровопролитие было ужасное; пехота, бывшая в *резерве*, поспешая на помощь, продралась на *штыках*, и как казаки опять исправились, то отбили турок назад; и которые не могли чрез мост попасть в город, то были изрублены или опрокинуты в ров. Тогда русские возобновили свой подвиг, преодолевали все препятствия и утвердились на назначенном им бастионе у вала. Кутузов приметил, что хотя оба резервные батальона заняли вал, но силою не равнялись еще с турками, число соединившихся с ними казаков было недостаточно; и для того послал к ним в помощь Бугский егерской батальон, чем и привел их в состояние удержать место».*

Свидетельство Суворова-Рымникского о подвигах Кутузова при осаде Измаила

«Генерал-майор Голенищев-Кутузов оказал новые опыты искусства и храбрости своей. Преодолев под сильным огнем неприятеля все трудности, взлез на вал, овладел бастионом; и когда превосходный неприятель принудил его остановиться, он, служа примером мужества, удержал место, превозмог сильного неприятеля, утвердился в крепости и продолжал потом поражать врагов».**

Сказывают, когда уже во второй раз Кутузов принужден был отступить от многочисленного неприятеля, Суворов послал его *поздравить комендантом Измаила* и уведомить, что *нарочной отправлен к государыне с известием о взятии крепости Измаильской*.

Кутузов, перекрестясь, воскликнул: «С нами Бог!» — и с полками своими снова полетел на врагов.

Когда грудью и штыками русские опрокинули стены Измаила²² и когда по благодарственному молебствии у героя Суворова начали пить за здоровье государыни и за славу русского войска, Кутузов просил: «Почему ваше сиятельство поздравили меня комендантом, когда я отступил, и как в то же время отправили к государыне с известием о взятии Измаила?»

Суворов отвечал: «Я знаю Кутузова, а Кутузов знает меня. Я знал, что Кутузов будет в Измаиле; а если бы не был взят Измаил, Суворов умер бы под стенами Измаила и Кутузов также».

* Из «Жизни Суворова», изданной Максимом Парпурией. Часть II, стр. 157.

** Из военных известий с 1787 по 1791 год. Часть I, стран. 142.

²² Штурм крепости Измаил состоялся 11 (22 по н.ст.) декабря 1790 г.

При осаде и взятии Измаила Кутузов был на *левом крыле*. По сему случаю и по удивительным подвигам мужества и решительности Кутузова Суворов сказал: «Кутузов шел у меня на левом крыле, но был правую моей рукою».

Герои отдают справедливость героям. Им приятно иметь соперников, благородное соревнование воинское уравнивает все трудные стези к чести и славе. Вера, верность и терпение пролагают пути к бессмертию.

Кутузов при Мачинском сражении

17 июня 1791 года князь Репнин,²³ узнав, что при Мачине собралось множество турок, решил с помощью Божию разрушить сие скопище нападением на неприятеля. Немедленно послал он приказания в окружные войска, чтоб они к Галацу собирались, и предписал генерал-поручику Голенищеву-Кутузову из Измаила туда же прибыть с Бугскими егерскими полками и с пятьюстами донских казаков.

27 июня двинулись войска четырьмя колоннами. Первые отделения войска выступили генерал-поручика Голенищева-Кутузова.

Кутузов, обходя горы, дабы обойти правое крыло неприятеля, был на утренней заре примечен отводными караулами турок. Узнав о сем, все русские войска поспешили к местам, им назначенным.

28 июня движение войска под начальством Кутузова решило упорное и продолжительное Мачинское сражение.*

В сей день, обходя с частью своею горы, Кутузов встречен был многочисленным неприятелем. С обыкновенною своею запальчивостью турки отовсюду его окружали; восходя на горы, Кутузов должен был упорно пробиваться на штыках сквозь толпы неприятельские. Все усилия врагов были тщетны. Русские вожди повсюду отражали их и не допустили отрезать Кутузова войска, на которое яростнее всего был напор неприятеля.

Между тем от *Браилова* показалось около пятидесяти турецких лодок; свежее сухопутное турецкое войско оттуда же шло в тыл русским. Умножение сил неприятельских умножило рвение и мужество русских воинов. Вскоре часть пехоты из отделения Кутузова явилась на горах в тылу неприятеля; с прочими отрядами своей пехоты и *Сибирским гренадерским полком* сам Кутузов быстро вступил на вершины гор.

Когда войска соединились, то нимало не медля, со всех сторон пошли все прямо на неприятеля... Генерал-поручик князь Голицын в его укрепление, генерал-поручик князь Волконской в его лагерь, а часть генерал-поручика Голенищева-Кутузова в тыл. Сие движение решило победу *сего упорного и продолжительного сражения*.**

Не присвоивая одному себе сего подвига, Кутузов со своей стороны доносил, что подполковник Мальтиц, преодолев все препятствия, занял самую трудную

²³ Репнин Николай Васильевич, князь (1734—1801), полководец и дипломат, за битву при Мачине был награжден орденом св. Георгия 1-й степени.

* Из донесения князя Репнина о сражении при Мачине.

** Военные известия с 1787 по 1791 год. Часть I, стран. 186; там же, стран. 197.

гору; отнял у неприятеля последнюю надежду удержаться на горах, и занятием последней высоты *споспешествовал к победе*.²⁴

Примечательно, что Кутузов два раза содействовал к решению двух знаменитых побед: в первый раз под начальством Суворова при осаде *Измаила*, во второй под начальством князя Репнина при *Мачине*.

Назначение Кутузова в Голландию 1799 года

О назначении Кутузова в Голландию в рескрипте государя Павла к Суворову сказано: «Вы уже знаете, что произошло в Голландии; на место взятого в плен генерала Германа²⁵ едет начальствовать сим корпусом генерал от инфантерии Голенищев-Кутузов, который будет в сношении с вами».

В то же время граф Федор Васильевич Растопчин <!> писал в Италию к Суворову из Гатчины от 2 октября 1799 года: «Генерал Кутузов заступит место Германа, взятого в плен... Уповательно, что Кутузов лучше сделает: он русский».

Отступление Кутузова в пределах Австрии, от Бранану к Ольмуцу

В 1805 году *Наполеон* снова угрожал низвергнуть *Австрийский дом*. Россия вооружилась к защите Австрии. Кутузов, несколько уже лет живя в своих поместьях в сельской тишине, наблюдал удивительные европейские происшествия и в то же время помышлял о пользах Отечества, которому посвящена была вся жизнь его. *Государь Александр Первый* вызвал Кутузова из уединения и вверил ему ту часть войска, которая должноствовала соединиться с австрийским генералом *Макком*.²⁶ Орлиным полетом Суворова Кутузов пролетел почти две тысячи верст... Уже он в Бранану; уже готов соединиться со *ста тысячами австрийцев*. Но Провидение иначе расположило! *Генерал Макк* прибыл сам в *Бранану* известить русского полководца, что войско его разбито, рассеяно и большею частью взято в плен.

«Счастливей неприятель, — говорит сочинитель „Писем русского офицера“, — со ста двадцатью тысячами войска летит в *Бранану*; русских только двадцать тысяч. Россия далеко; помощи получить неоткуда: должно отступить; завтрашний день отставим мы *Бранану*».

Сказывают, что по прибытии генерала *Макка* с известием о потере войска Кутузов собрал военный совет. Русские генералы, бывшие с Суворовым на полях

²⁴ Мальтиц Леонтий Федорович (?—1828), за мужество в битве при Мачине был награжден орденом св. Георгия 4-й степени.

²⁵ Герман фон Ферзен Иван Иванович (ок. 1740—1801), генерал-квартирмейстер русской армии, во время итальянского похода 1799 г. командовал русским корпусом, призванным вместе с англичанами атаковать французов в Голландии. Был осажден в Бергене и при попытке пробиться из осады взят в плен. Оставался в плену до конца войны, хотя Франция предлагала обменять его на всех пленных французских генералов.

²⁶ Макк фон Лайберих Карл (1752—1828), генерал, за капитуляцию 17 октября 1805 г. при Ульме приговорен к смертной казни, замененной 20-летним тюремным заключением с лишением званий и наград, но в 1808 г. помилован и освобожден.

Италии, подали голос, чтобы, несмотря на разбитие ста тысяч австрийцев, идти прямо на неприятеля. Прибавляют, что Кутузов отвечал: «Я ожидал такого отзыва от русских героев. — Ваше мужество порывает вас наступать; а мне осторожность отступать велит».

Отступая от *Бранау* до *Ольмуца*, казалось, что русские действуют наступательно. От генералов до рядового все пылали мужеством и отважностью; все хотели показать, что малое число русских в чужой земле не страшится многочисленного врага, гордящегося мнимой победою. Русские знают, что *победа* там, где есть сопротивление; там, где видят *опасность*, преодолевают оную.

Перейдя мост на реке *Енсе*, русские положили на оном зажигательные вещества. Каким-то несчастным случаем он загорелся прежде с нашей стороны; французы бросились на противную сторону моста и хотели гасить. Кутузов спешит к реке, где был отряд егерей. «Егери, — сказал он, — вы русские; сделайте, что русские должны делать». Воскликнув «Ура! с нами Бог!» — отважные русские егери под картечными выстрелами *пролетели* сквозь огонь, прогнали французов и зажгли с их стороны мост.

Сражение под Амштетином²⁷

«Сие сражение происходило 25 октября 1805 года. Генерал Милорадович по приказанию главнокомандующего принял неприятеля с тремя полками пехоты и одним конным полком. На правом крыле Малороссийский гренадерский полк открыл батальный огонь; а на левом, где неприятель был сильнее, Апшеронского и Смоленского мушкатерских полков батальоны пошли на штыки. Неприятель опрокинут; многие его колонны расстроились и далеко бежали. Вторая наша линия вступила в бой уже при конце. Вообще дело сие походило на маневры».*

Сколько князь Кутузов уважал точность и порядок в воинских частях, свидетельствуют слова, собственною его рукою приписанные в заключении донесения государю императору о *Тарутинском деле*:

«Лестнее всего при сей победе тишина и порядок, сохраненные во всех колоннах. Некоторые свидетели уподобляют действие войск сего дня учебному маневру, с рачением приготовленному».

Сражение при Кремсе 1805 года октября 30

В *Бранау* всех русских войск находилось только двадцать тысяч. От сражений при *Амштетине*, *Ламбахе* и *Енсе*, наконец от болезней и трудных переходов число людей умалилось. Сверх того, князь Багратион отряжен был с тремя пол-

²⁷ Битва при Амштеттене (Австрия) 25 октября между авангардом французской армии (И. Мюрат) и арьергардом русской армии (П. И. Багратион). Когда Кутузов для поддержки Багратиона направил М. А. Милорадовича, французская пехота была опрокинута, а основные части русской армии переправились через р. Ибс и оторвались от преследования французов. Между Милорадовичем и Багратионом существовало негласное соперничество, поэтому Багратион в анекдоте не упоминается.

* Из «Писем русского офицера», самовидца сего сражения.

ками на *Будвейскую дорогу* для разведывания о неприятеле. Итак, при *Кремсе* русских войск было, может быть, около двенадцати тысяч; но с семи войсками был *Кутузов!* Мудрые и искусные его распоряжения увенчались победою: неприятель был истреблен, и генерал *Грендорж*²⁸ взят в плен.

«Французы, — говорит сочинитель „Писем русского офицера“ и самовидец сражения при *Кремсе*, — французы засыпали нас картечью из многочисленных батарей: мы несколько раз принуждены были отступить до самого города, и всякий раз генерал *Милорадович*, начальствовавший в сем деле, мужественно отражал неприятеля и по трупам его водил русские полки вперед; все запасные батальоны генерала *Эссена*²⁹ вступили в дело. Наконец уже к вечеру *Уланиус*³⁰ с егерями и генерал *Докторов* с своею колонною ударили с тылу неприятеля, из которого одна часть потоплена была, а другая взята в плен.

Победа при *Кремсе* была следствием мудрой прозорливости и верного расчета русского полководца».

Сделав привал на пути к *Кремсу*, русские офицеры от октябрьских дождей сушились у огня и разговаривали между собою. *Кутузов* подходит к ним и с ласкою и простотою, сродными истинным полководцам, спрашивает: «О чем, братцы! поговариваете?» — «Мы разговариваем, — отвечали офицеры, — как бы скорее подрагаться с французами». — «Так должны отвечать все русские офицеры, — сказал *Кутузов*, — и мы подеремся; только не теперь. Если неприятель опередит нас хотя часом, мы будем отрезаны; если ж прежде его поспеем к *Кремсу*, мы его побьем. И потому в поход!»

Что я написал по слуху, сочинитель «Писем» почти то же самое напечатал: «Если б мы опоздали придти одним днем в *Кремс*, — говорит он, — то французы, переправившиеся в *Линце* и нами разбитые, предупредя нас, сожгли бы мост в *Кремсе*, и чрез то принудили бы нас остаться на другом берегу *Дуная* на произвол судьбы. *Кутузов* предупредил их намерение, и мы спаслись».

*Маршал Мортье*³¹ бежал на рыбацкой лодке.

Почти по общему согласию военных людей, всё достопамятное отступление русского полководца от *Бранау* до *Ольмуца* почитается *первым отступлением в новые времена*.

Воинские качества Кутузова

Порядок, точность, неусыпность и прозорливость знаменуются во всех распоряжениях *Кутузова*. Хладнокровное его мужества никогда не изменялось. Жаркое сражение под *Кремсом*, по свидетельству тех, которые на оном были, можно было почестъ *строевым смотром*. Под *Бородиным*, когда ад гремел над головою

²⁸ Генерал *Грендорж* командовал первой бригадой дивизии *Газана*.

²⁹ *Эссен* 1-й *Иван Николаевич* (1759—1813), генерал-лейтенант.

³⁰ *Уланиус* *Карл Карлович* (1762—1808), генерал-майор, за сражение при *Кремсе* награжден орденом св. *Георгия* 3-й степени. Командовал 8-м егерским полком.

³¹ *Мортье* *Эдуард-Адольф-Казимир-Жозеф* (1768—1835), маршал *Франции*, герцог *Тревизский*.

русского полководца, он быстрым и верным взглядом смотрел с *батареи* на движения войск. Когда ядра и картечи летели к тому месту, где он находился, он спокойно говорил окружавшим его: «Расступитесь, братцы!» И когда с одними русскими отражал двадцать народов, собственноручно писал в Москву: «Дело идет довольно порядочно». Объясняясь о заботах и трудах воинских, он прибавлял: «У меня одна голова на плечах; могу погрешить».

Рассматривая воинские качества Кутузова, не знаешь, чему более удивляться: мужеству ли его, прозорливости или скромности!

Почти с самого первого шага Кутузов на поприще военном известен стал под именем *храброго Кутузова*. Многие дивились его ранам; но он говорил: «Раны получить нетрудно; в службе главное — исполнять свое дело. Какая от того польза Отечеству, если, захотев блеснуть храбростью, впадимся в опасность бесполезную?»

Так рассуждал *Кутузов*, поседевший в опытности и делах воинских, так рассуждал он с молодыми русскими героями, греясь у огней в ненастливую октябрьскую погоду и во время трудного и славного отступления от *Брану* до *Ольмуца*. С кротостью великой души возражая на слова молодых офицеров, он прибавлял: «Вы, говорите, господа! вам хочется подражаться; пора подражаться... А для чего? об этом не подумаете. Притом же ужели сомневаетесь, будто бы начальник не знает и не размыслил прежде, что когда делать? В наше время начальникам слепо повиновались. Мы не рассуждали, для чего нам что приказывается, а старались только исполнять повеленное. Беспрекословное повиновение начальникам есть душа воинской службы. Не тот истинно храбр, кто по произволу своему мечется в опасности, а тот — кто повинуется».

Всё, что привожу здесь, слышал я от многих офицеров, которые 1805 года за границей имели счастье поучаться наставлениями и делами опытного и мудрого Кутузова.

Сказывают, что однажды только *скромный* Кутузов упомянул о ранах своих в свидетельство неустрашимости. По случаю одного разговора в 1805 году Кутузову показалось, что покойный князь Д<...>³² опытную и дальновидную его осторожность почел нехотением сразиться с неприятелем, в жару сего чувствования Кутузов сказал: «Молодой человек! раны мои свидетельствуют, что я не трус; седины не истощили моих сил. Последствия меня оправдают».

Обхождение Кутузова с русскими воинами

В войсках, находившихся 1805 года с Кутузовым в областях германских, был и Ярославский полк. Старый воин Кутузов за воинскую ревность и раторность весьма полюбил Ярославского полку первой гренадерской роты Сергея Семенова. На привале войск и когда располагались варить каши, Кутузов подъезжал к первой гренадерской роте и спрашивал: «Братцы! где Сергей Се-

³² Возможно, генерал-адъютант князь Михаил Петрович Долгорукий 3-й (1780—1808), о котором говорили, что он «был сделан с такою же храбростью, как и осторожностью» (Беннигсен Л. Л. Записки о войне с Наполеоном 1807 года. М., 2012. С. 143).

менов?» Русский гренадер тотчас являлся. «Что прикажете, ваше высокопревосходительство?» Кутузов возражал: «Ты, брат, забыл меня, старика. Право, устал сидеть на лошади. Принеси-ка, брат, соломки; старым костям отдохнуть хочется». Ревностный Сергей Семенов расстилал солдатский плащ; он и товарищи его приносили солому, настилали и разводили огонь. «Спасибо, братцы! спасибо! — говорил Кутузов, — лучше не надо». И потом, садясь в круг солдат, прибавлял: «Вот теперь спокоен. Надо, однако, поесть; дай-ка брат, Сергей Семенов, сухарька да водицы».

Сидя на плаще, прикрытом соломою, беседа с Сергеем Семеновым и его товарищами, русский Кутузов лакомился солдатским сухарем, приговаривая: хлеб да вода — солдатская еда. Каждый раз из кошелька вынимал деньги и давал Сергею Семенову с теми словами: «Выпей с товарищами за здоровье старика».³³

Слова Кутузова русским воинам во время преследования французов 1812 года

Чем более умножались труды и подвиги в преследовании и изгнании врагов от Тарутина за Неман, тем более князь Кутузов воинскою своею душою старался оживлять русских воинов. «Братцы! добрые русские солдатушки! — говорил он им, — нам еще далеко идти; много будет еще трудов: но мы русские — Бог нам поможет!»

И когда после такого приветствия снимал шляпу, и обнажалась глава, убежденная пятидесятилетней службою, всякой раз воины русские единогласно восклицали: ура! с нами Бог!

Кутузов не любил солдат-грабителей

Действуя на поле сражения точно с таким же присутствием духа, как будто бы в комнате, Кутузов терял хладнокровие, встречая солдат-грабителей. Во всё время перехода русских войск по областям германским он сам неусыпно надзирал над поступками солдат. Завидя издали солдат, зашедших из рядов в обывательские дома, он во всю конскую прыть туда пускался; опрометью бросался с лошади, вбегал в дома, и естели усматривал хотя малейшее бесчинство, то грозно спрашивал: «Зачем вы сюда зашли? Обижать, грабить обывателей?»

³³ Ср.: «Когда светлейший князь объезжал в первый раз полки, солдаты засуетились было, начали чиститься, тянуться и строиться. „Не надо! ничего этого не надо! — говорил князь. — Я приехал только посмотреть, здоровы ли вы, дети мои! Солдату в походе не о щегольстве думать: ему надобно отдыхать после трудов и готовиться к победе“. В другой раз, увидев, что обоз какого-то генерала мешает идти полкам, он тотчас велел освободить дорогу и громко говорил: „Солдату в походе каждый шаг дорог, скорей придет — больше отдыхать будет!“ Такие слова главнокомандующего всё войско наполнили к нему доверенностью и любовью. „Вот то-то приехал наш ‘батюшка’! — говорили солдаты, — он все наши нужды знает: как не подражаться с ним“; в глазах его „все до одного рады головы положить“» (Глинка Ф. Н. Письма русского офицера. С. 155).

Вон, вон отсюда! солдат не разбойник! не бесславьте в чужой земле имени русских!»

Что же выдумала французская клевета о переходе русских войск под предводительством Кутузова? «Вступление французов во владения австрийские, — кричали льстецы Наполеона, — было для жителей благоденствием несказанным; присутствие русских — несчастье, лютейшее войны. Где шли русские, там оставались памятники разрушенной державы!»*

Кутузов отомстил и клеветникам и врагам России, отомстил — изгнанием из пределов России.

Чувствительность Кутузова

В сражении под Аустерлицем ранен смертельно Кутузова зять Тизенгаузен, прекрасный молодой человек.³⁴ Движимый духом мужества, он стремился в самые опасные места; пуля пробила ему грудь, он упал с лошади...

Сказывают, что в первый день Кутузов не изъявил никакой наружной скорби; с обыкновенным хладнокровием отдавал приказы и весь был занят должностью своею. Назавтра приближенные застали его в безмерной скорби; слезы текли ручьями; он рыдал неутешно. Желая его успокоить, ему говорили: мы не ожидали вас видеть в таком отчаянии; вчера вы так великодушно перенесли удар. «Вчера, — отвечал Кутузов, — я был начальник, сегодня — отец!»

Желал бы к украшению сей книжки поместить все другие подробности о многоразличных подвигах русского полководца Кутузова; но не имею к тому способов. Праху незабвенного русского полководца приносим то, что можем! А притом бессмертные дела светлейшего князя Кутузова, произведенные внутри Отечества и увенчавшие его именем Смоленского, у всех в памяти и ежеминутно повторяются голосом сердец благодарных.

Воспомявая быстрые победы князя Кутузова от Малого Ярославца до изгнания врагов из России, нельзя не воскликнуть вместе с русским полководцем: Велик Бог! — и нельзя не прибавить: велик и полководец, не себе, но Богу приписывающий все подвиги, всю славу свою. Не забудем и заветания русского Кутузова русским сынам России.

«Естьли россы, — вещал он, — всегда будут сражаться за веру прародителей, за царя и честь народную, то и слава их будет вечным их спутником; и горе злодею, покусившемуся на хранимую Богом святую Русь!»

Кутузов-Смоленский слова свои оправдал делами: слава и верность ему сопутствовали. Россия всегда будет украшаться памятью и славою князя Кутузова-Смоленского!

* Из Дезодаровой истории, часть 10, стр. 227.

³⁴ Тизенгаузен Федор Иванович, граф (1782—1805), штабс-капитан инженерных войск, флигель-адъютант, муж (с 1802) Елизаветы Михайловны Кутузовой (во втором браке Хитрово) (1783—1839). Умер от раны, полученной при Аустерлице, 4 декабря 1805 г.

Подвиг генерала Докторова³⁵ под Малым-Ярославцем

Оставя разоренную Москву, французы с пепла древней русской столицы вознамерились ворваться в изобильные русские области. Всеми силами по Калужской дороге двинулись они к Боровску. Покушение их было предупреждено. С 11-го на 12-е число в ночи генерал Докторов приспел к Малому Ярославцу. Началась битва упорная и кровопролитная.³⁶ Восемь раз город переходил от французов к русским. В сих обстоятельствах, долженствовавших решить жребий полуденного края России, герой, став перед войском, сказал: «Наполеон хочет пробиться; но он разве по трупу моему перейдет!» Голос любимого начальника отозвался во всех сердцах; воины русские воскликнули: «Скорее злодей пробьется чрез каменные стены, нежели сквозь ряды наши!» Раздалось ура, заблестали штыки, утверждаемые в руках воинов отважностью и любовью к отцам-начальникам. Упорный враг был отражен. Слава герою!.. Но его уже нет; прах его в холодной могиле. Генерал Докторов скончался нынешнего года в Москве. Погребение его отличалось не великолепием, но общим сожалением. Он богат был любовью подчиненных, а не состоянием. Память о героях не умирает: бессмертный дух на голос сердечных воспоминаний склоняется от высоты небес, где награждаются вера, верность и добродетель. Герои, умевшие побеждать врагов мужеством, а сердце подчиненных — любовью, сии друзья воинов, окончив скоротечную жизнь, продолжают неизменное существование в душах: памятью их украшаются летописи отечественные.

Награды государевы в память двух смоленских дворян, умерщвленных врагами за веру и верность

Царь-отец нигде не забывает чад своих! Среди ужасов войны, в день, радостный для всех россиян, в день своего ангела, русский *государь* излил награды на семейства двух смоленских дворян, расстрелянных врагами за то, что они истребаляли злодеев и устояли в верности к царю и Отечеству.

Смоленские помещики подполковник Энгельгард³⁷ и коллежский асессор Шубин захвачены были врагами, занявшими Смоленск. Тщетно усиливались злодеи привлечь их к себе угрозами и обольщениями; верные россияне не поколебались в верности к царю и преданности к законному Отечеству, отвергли все предложения и решительно сказали врагам, что обязанностей своих не нарушат. Их заключили в тюрьму; и там сохранили они ту же твердость духа. Велико-

³⁵ Дохтуров Дмитрий Сергеевич (1759—1816), генерал-майор, командир 6-го пехотного корпуса 1-й армии. При Бородине после ранения Багратиона командовал левым крылом. Отличился в сражениях при Тарутине, Малоярославце, Дрездене и Лейпциге.

³⁶ Во время сражения при Малоярославце 12 (24) октября 1812 г. город сгорел почти полностью.

³⁷ Энгельгард Павел Иванович (1774—1812), подполковник, партизан, убил 24 француза, отказался перейти на сторону французов и был расстрелян 15 октября 1812 г. В 1835 г. по указу Николая I на месте его гибели установлен памятник. В 1886 г. на памятнике была добавлена надпись о партизане Семене Ивановиче Шубине, расстрелянном 24 октября 1812 г. на том же месте. Памятник уничтожен в 1936 г. В настоящее время на доме около места нахождения памятника установлена мемориальная доска.

души сих двух истинных дворян именем и делами раздражило злодеев; они их расстреляли. Когда подполковнику Энгельгардту хотели по обыкновению завязать глаза, он сказал: «На что это? Кто умирает с чистою совестью, тот не боится смерти!»³⁸ Перекрестился — и кровью своею запечатлел обязанности дворянина.

Пали две жертвы за веру и верность, но память о них не исчезла: в день своего ангела *государь* вспомнил о страдальцах и о семействах их. Царь-отец определил ежегодные пенсии: подполковника Энгельгардта брату Ивану капитану Энгельгардту по три тысячи рублей и малолетней племяннице, рожденной от сестры его Губиной, по три тысячи рублей; коллежского асессора Шубина жене по десяти тысяч рублей, матери по шести тысяч рублей и двум сестрам девицам по три тысячи рублей.

Не умерли страдальцы за веру и верность: царь-отец продлил их жизнь в благодеяниях их родственникам и семействам! И сим благотворным подвигом ознаменован день ангела русского царя! Бог в сердце царя русского; Бог и царь во всех сердцах россиян.

Почтенный Александр Александрович Писарев,³⁹ известный произведениями своего пера и подвигами храбрости, доставя издателю «Русского вестника» сие драгоценное известие, в письме своем прибавляет: «Да порадуются оставшиеся от легших на брани героев, что признательный монарх им покров и утешитель! — Слава монарху и Отечеству!»

Приказ графа Платова, воспоследовавший по поражении врагов

Разрушение храмов, пролитие крови неповинной, поругание святыни неистовыми злодеями, — всё вопияло к Богу; Всевышний услышал глас сердец сокрушенных, обратил весь Свой гнев на сонмище извергов: русские с малым числом повсюду разили и гнали врагов; страх и трепет объял буйные их сердца. Нагло вторглись они в Россию; нагло в Москву вошли; еще бесстыднее бежали из древней столицы и на каждом шагу оставляли следу разбойничества и хищничества. Из алчности к серебру и золоту жертвовали своими воинскими почестями: бросали пушки; на снежных русских полях повергали обесславленные свои орлы; спешили только увезть московскую добычу. И того не удалось! Бог соделал все пути

³⁸ Священник Смоленской Одиотриевской церкви Н. А. Мурзакевич, присутствовавший при казни Энгельгардта, так описывает эту сцену в письме его вдове Е. А. Энгельгардт: «За Молоховскими воротами в шанцах начали читать ему приговор, но он не дал им дочитать. Закричал по-французски: „Полно врать! Пора перестать! Заряжай поскорей и пали, чтоб не видеть больше разорения моего отечества и угнетения моих соотечественников!“ Начали ему завязывать глаза, но он не позволил, говоря: „Прочь! Никто не видел своей смерти, а я ее буду видеть!“ <...> Потом, сказавши: „Господи, помяни мя, егда приидеши во царствии твоем! Я в руки твои предаю дух мой!“ — велел стрелять, и из 18-ти зарядов 2 пули прошли грудь, и одна — живот» (К чести России. Из частной переписки 1812 года. М., 1988. С. 188).

³⁹ Писарев Александр Александрович (1780—1840), полковник, участник боев при Бородине, Малоярославце и Красном, автор кн.: Военные письма и замечания, наиболее относящиеся к незабвенному 1812 году и последующим... М., 1817.

их ползкими и темными. Ничего не увез враг за границу России, кроме стыда и отчаяния; все русские сокровища остались в земле русской. При шуме зимних бурь, по ледяным полям и долинам быстро преследовали врагов донские казаки. В то же самое время войсковой атаман граф Матвей Иванович Платов⁴⁰ отдал следующий приказ по всему Донскому войску:

«Я в полной мере уверен, что всякой из нас должен чувствовать очевидное милосердие Божие и Его Святое к нам покровительство, подавшее нам способ к прогнанию иноплеменного врага из наших границ. Силою Всевидящего мы совершенно его истребили. Сия благодать Господня да пребудет вовек неизгладима из сердец наших! Мы должны по всей справедливости доказать пред всеми наше душевное усердие к Богу и в знак признательности к Творцу вселенной обязаны собрать перехваченное от французов серебро наших церквей, ограбленных бесчеловечными врагами, и соорудить в Петербурге, в Казанском соборе, лики четырех евангелистов. Сей Божественный памятник как ныне, так и в предбудущие веки напоминать будет всему нашему потомству наши знаменитые дела, наше усердное пожертвование Богу, и да возбудит и в них подобное мужество к побеждению врагов. Сим примером должно всегда оживляться наше войско».

Действие приказа атамана графа Платова над казаками

Едва приказ графа Платова разошелся по полкам, в самое короткое время собрано было сорок пуд серебра, которое тотчас отослано к князю Кутузову. Спустя дней десять снесено еще двадцать пуд, немедленно к фельдмаршалу же отправленные. По добровольному подвигу донцов во славу Господа Бога снесено шестьдесят пуд серебра.⁴¹ Твоя от твоих Тебе, Господь! принесли войны, помощью Твоею преследовавшие и изгнавшие врагов!

Какое восхитительное зрелище представляло рвение казаков к благочестивым жертвованиям! После приказа каждый день толпилось множество казаков около того места, где жил атаман; как будто бы для получения каких наград собирались они для внесения серебра, кто сколько мог. Церковную добычу отдавали своим начальникам даже и татары, которых в каждом донском полку довольно число находилось. Между прочим атаманского полку Нижней Черкасской станции Гаврила Чернишников приносит слитки серебра около двух пуд и отдает оные в число церковных вещей. Ему говорят, что это серебро не принадлежит к церкви; Чернишников отвечает: «Почему нам можно знать? Про то Бог один ведает! Может быть, нечестивые злодеи из ограбленных ими храмов слили это серебро. Не хочу принять греха на душу. Оставя у себя слитки, буду мучиться совестью... Милосердый Бог сохранил мою жизнь; Богу и посвящаю сию малую жертву. Дай Бог здоровья нашему атаману! Он подал нам благую мысль показать делом усердие наше ко Всевышнему Творцу и к святой вере праотцев».

⁴⁰ Платов Матвей Иванович (1753—1818), войсковой атаман войска Донского (1801), генерал от кавалерии (1809), граф (1812).

⁴¹ Число, указанное С. Глинкой, завышено. Платов прислал в Казанский собор 40 пудов серебра, которое архитектор К. А. Тон использовал в 1834 г. для облицовки иконостаса.

Донские казаки под Данцигом⁴²

Во время быстрого преследования рассеянных шаек французской непобедимой армии везде донские казаки наносили врагам страх и ужас. Мирные поселяне, пользуясь страхом, вперенным во французов казаками, чтобы скорее выгонять их из селений, кричали: Казаки! казаки! От сего слова убегали французы и метались повсюду, как обезумленные. Наконец малые остатки войск маршала Магдональда⁴³ загнали русские в крепость Данциг и почти целый месяц окружали оную одними донскими полками. Во всё сие время французов содержали в удивительной подчиненности. Когда же они отваживались выходить для покормки, то целыми колоннами забираемы были в плен.

Преданность казаков к семействам своим

Чем более любим родину, чем милее нам семейство, тем отважнее идем на врагов, тем мужественнее их поражаем, помышляя, что они могли б истребить жен, детей и развеять прах отцов наших! Но естли и среди ужасов военных хотя что-нибудь повстречаем напоминающее нам родину или друзей нашего сердца, мы проливаем слезы, всею душою и всем сердцем переносимся на родину и забываем чужбину. Привязанность донцов к Тихому Дону есть привязанность сердечная; любовь их семейственная есть чувство, равняющееся только с усердием их к царю и Отечеству. Вот пример тому.

Граф Платов проезжал в Пруссии близ Данцига чрез селение Войново. Помещик пригласил графа к себе и между разговорами рассказал ему благородный поступок одного неизвестного казака. При занятии нашими передовыми войсками селения Войнова вошли два казака в дом помещика. Один из них, увидя малолетнего сына владельца селения, бросился его целовать; взял на руки, обласкал малютку с нежностью сердечною и на шею его надел золотой значок, подобный цесарскому империялу. Разными движениями давал он знать помещику, что и у него есть на Дону сын, похожий на его сына. Наконец, прижав его к сердцу, со слезами проговорил: «Будь здоров и молись о здоровье моих детей!» Тщетно упрасивал помещик за подарок его сыну принять взаимный подарок; казак ничего не взял; поцеловал еще раз малютку, перекрестился, вскочил на коня и стрелою пустился со двора.

Человеколюбие и благодарность

В достопамятную войну 1812 года князь *Д. И. Лобанов-Ростовский*⁴⁴ назначен был составлять и приготовить к бою *запасные* или *резервные* войска.

⁴² Осаду Данцига (ныне Гданьск, Польша) вели русские и прусские войска под командованием герцога Александра Вюртембергского с 24 августа по 29 декабря 1813 г.

⁴³ Макдональд Этьен Жак Жозеф Александр (1765—1840), герцог Тарентский, маршал Франции, в 1812 г. командовал 10-м французско-прусским корпусом, прикрывавшим левый фланг французской армии во время наступления.

⁴⁴ Лобанов-Ростовский Дмитрий Иванович (1758—1838), князь, генерал от инфантерии, в 1812 г. командовал резервной армией, министр юстиции (1817—1827).

Сколь важно было сие назначение и как успешно производил князь вверенное ему дело, то оказалось в полном блеске в преследовании врага от Одера до стен Парижа. Запасные войска, как будто бы по какому-нибудь очарованию, внезапно подоспевали на место убылых героев. Таким образом русские войска непрестанно освежались и усиливались.

С войсками, вновь составленными и составлявшимися на быстром походе, князь *Лобанов* двинулся из *Арзамаса* к *Белостоку* вскоре после того, как главное войско полетело за врагами от реки *Нары* к *Неману*. Из *Белостока* князь перешел в *Варшаву*. Привыкнув вникать во все подробности с деятельным вниманием, из ежедневных донесений князь усмотрел, что несколько поляков давно содержатся под стражею и что по делу их не вышло еще никакого решения. По справкам оказалось, что им смерть предстоит. Преступление сих несчастных, по собственному их признанию, состояло в том, что они в осажденную русскими крепость *Модлин* намерены были к родным своим, там находившимся, провезть несколько съестных припасов. Тамошние обстоятельства требовали примерного наказания. Не будем винить строгости воинских законов; но будем желать, чтобы укротилась алчба *властолюбия*: законы воинские грозят в осторожность; властолюбие без пощады губит человечество. Наполеон *властолюбивый* возмущал и *Варшавскую* область и прочие страны Европы; *Александр Первый* как помазанник Божий миловал и спасал человечество.

Нельзя описать, какую скорбью поразила великодушный князь, известясь о бедственном жребии, ожидавшем заключенных преступников. Чтобы выразить всю силу его скорби, то надобно знать его душу, его сердце, всегда готовое к помощи ближним и человечеству... К счастью, в сие время обстоятельства переменились: крепости *Модлин* и *Замостье* сдались русскому великодушному. А притом, зная благость и милосердие великого нашего *государя*, князь осмелился ходатайствовать за виновных. Желал бы поместить здесь донесение князя к *государю* о пощаде осужденных, но не могу: князь сам пишет все бумаги. Я слышал, однако, от одного моего приятеля, имеющего честь служить при лице его сиятельства, что каждая строка в донесении ознаменована живейшею чувствительностью, свойственною благородным и возвышенным душам. Долго ли у милосердного *государя* испросить пощаду несчастным? Сердце русского царя есть святилище всех добродетелей. Десница венценосного Ангела подписала осужденным жизнь и прощение!.. Получение сего милосердного предписания было для князя восхитительным празднеством. С радостными слезами несколько раз перечитывал он бумагу, возвестившую новую жизнь и новое блаженство, и из глубины души воссылал моление к Богу, в руке которого сердца и помышления царей, *отцов народов*. В то же мгновение князь возвестил о благодеянии *государя*. Жены и дети осужденных, услыша сию радостную весть, хотели бежать к местам, где содержались любимцы их сердец; но вдруг поворотили к дому великодушного князя. «Поспешим, — говорили они, — поспешим к нашему благодетелю. Без него не было б у нас ни мужей, ни отцов — к нему поспешим прежде всех». Какое торжество благодарности! Она побеждает даже и самые живейшие движения сердца!..

У князя Дмитрия Ивановича всем просителям во всякое время свободный доступ. Главное его правило: «Забывать свой покой для пользы других». Но в се мгновение он не мог выйти: душа его сильно волновалась и лицо орошено было слезами. Между тем жены и дети помилованных, упав на колени перед окошками, со слезами восклицали: «Ты наш отец, ты наш избавитель! Велик милосердый *государь!* Он послал нам в тебе ангела благотворителя!»

О взятии донскими казаками города Намура во Франции с 3-го на 4 число февраля 1814 года

Летучий корпус, составленный из нескольких донских казачьих полков и одного черноморского под начальством графа Матвея Ивановича Платова, отряжен был в *Фонтенебло* для выречения папы из мучительного его заключения.⁴⁵ Не желая упустить из рук жертвы своей, Наполеон отправил папу во внутренние области Франции. В *Фонтенебло* нашли только престарелого *кардинала*,⁴⁶ который со слезами рассказывал о страданиях пастыря римской церкви. Отдохнув одни сутки от быстрого и усиленного перехода и известясь, что в городе *Намуре*, отстоящем на несколько миль от *Фонтенебло*, находится около тысячи французов с орудиями, граф Платов решился немедленно идти туда и овладеть сим городом. Подвиг сей тем был необходимее, что воинские снаряды начали истощаться. Благоразумная отважность умеет пользоваться и временем, и обстоятельствами.

Прибыв к Намуру в полдень, граф отправил к неприятелю переговорщика с тем, чтобы для охранения жителей сдан был город. Французский *комендант*,⁴⁷ видя под стенами *Намура* одних казаков, горделиво отвечал: «Рвы наполнятся трупами, река обогрится кровью, а города не сдам. Храбрость и решительность французов всем известны».

Получа сей ответ, граф Платов приказал все орудия донской артиллерии расставить на выгодных местах и открыть огонь ядрами. Вскоре два неприятельские орудия были подбиты. Войско русское облегло город, распространяясь как можно обширнее для наружного увеличения сил. За полками расположились казачьи *коши*, то есть вьючные и заводные лошади, которые обманутый неприятель почитал действующими полками.

Пушечная пальба с обеих сторон продолжалась до самых сумерек. Русские не потеряли ни одного человека. У неприятеля ранено и убито несколько *канониров*. При наступлении темной ночи граф приказал во всех полках и при *кошах* расположить большие огни. В то же время опытный донской вождь в отдаленных местах от *кошев* препоручил раскладывать и умножать новые огни, чтобы показать неприятелю, будто бы новые и свежие войска непрестанно и с разных

⁴⁵ Папа Римский Пий VII (1742—1823, до избрания граф Барнаба Кьярамонти) с 1809 г. находился в плену у Наполеона. Его резиденцией было Фонтенебло. В январе 1814 г. Наполеон приказал вывезти папу в Савонну, а затем освободил его.

⁴⁶ Вероятно, кардинал Эрколе Консальви (1757—1824), советник папы, представлявший его интересы при заключении договоров с державами-победительницами.

⁴⁷ Комендант Намюра майор Боньи.

сторон подходят. Наблюдая все расположения недремлющим оком, граф созвал главных чиновников и сказал: «С помощью Божией я решился в сию ночь взять город приступом. Мы можем ожидать удачи: мы русские. С именем Бога и *государя* приступим к делу». Вслед за сими словами отдан был следующий приказ: «С твердым упованием на Бога, с ревностным усердием к *государю* и с пламенной любовью к Отечеству совершим в сию ночь приступ к городу Намуру. Со всех полков наряжаются по три, а с атаманского полка — пять сотен пеших казаков с дротиками. У кого есть патроны, тот должен быть с ружьем. Начальником назначается генерал *Шперберг*.⁴⁸ Наблюдать тишину; а подступя к городу с трех назначенных мест, производить непрерывный крик. У страха глаза большие: неприятелю сила наша неизвестна. Город кругом окован нашею цепью; никто не подаст вести врагу. Вспомните измаильский приступ. К стенам его казаки шли открытою грудью. Вера и верность увенчались там успехом; и здесь, уповая на Бога, ожидаем несомненно славы и победы. Овладев городом, не чинить жителям никакого вреда, никакой обиды. Покажем врагам нашим, что мы побеждаем противников верою, мужеством и великодушием».

Немедленно всё было устроено к приступу. Генерал *Шперберг* донес о сем графу. Донский герой отдыхал на камне, где была его ставка. Увидя движение *колонн*, он встал, перекрестился и сказал генералу *Шпербергу*: «С помощью Божией, ступайте, начинайте. Приближайтесь к городу скрытыми путями, тихо-молком, чтобы враг и шороху нашего не услышал. Берегите людей. Уведомляйте меня обо всем. Подошед на определенное расстояние, пустите *ракету*. Дай Бог, чтобы неприятель, уstraшенный нашим предприятием, сдался без кровопролития. Бог здесь всем располагает. Да будет Его воля!»

Генерал *Шперберг* поскакал к первой *колонне*. Двинулись к приступу, и вскоре раздался громовый крик приближившихся войск к городу. Неприятель открыл сильный огонь. Со стороны русских действовали только два орудия против городских ворот, которые были забиты. Крики осаждающих и неприятельский ружейный огонь продолжались около часа. Вдруг всё смолкло... Генерал *Шперберг* послал к графу просить помощи и доложить, что хотя неприятель и упорствует сдать город, но получа помощь, надеется окончить дело вторым приступом. Встревоженный неприятель уже начинает колебаться; жители с воплем просят пощады города.

Граф тотчас предписал генералу *Грекову* 8-му,⁴⁹ чтобы он со своим отделением поспешил на помощь генерала *Шперберга* и непременно бы зажег ворота. Генерал Греков в одно мгновение ока очутился с полками у городских ворот; на всех местах снова раздался сильный крик, снова все одушевились верой и надеждой... От удивительной расторопности генерала Грекова вскоре загорелись ворота. Мрак ночи озарился пламенем; вопли жителей заглушали пальбу; в русских полках гремело торжественное ура! Приступ возобновился. Черноморцы произвели удачную ружейную стрельбу; донцы шли с одними дротиками. В отважном порыве

⁴⁸ Во время штурма Намюра Иван Яковлевич Шперберг (1770—1856) имел чин полковника.

⁴⁹ Греков 8-й Петр Матвеевич (1762—1817 или 1818), генерал-майор, из рядовых казаков; был известен личной храбростью.

приступали они к самым стенам города. Мрак ночи способствовал осаждающим, скрывая подлинное их число. Устрашенный неприятель вообразил, что действует сильная пехота, и затрубил к сдаче. Исполняя предписание графа Платова, чтобы овладеть городом без кровопролития, генерал Шперберг вступил в переговоры и отправил к коменданту с следующим предложением: «Гарнизон остается военнопленным и немедленно должен быть выведен из города. Оружие и все воинские припасы остаются в пользу русских. Спокойствие жителей нерушимо сохранится».

К свету всё было кончено; обезоруженные пленные приведены были к ставке вожда донцов. Генералы Греков 8-й и Шперберг лично доносили графу об удачном и отважном приступе. «Мы возложили упование наше на Бога, — отвечал герой. — Бог увенчал надежду нашу. Принесем Богу благодарение!»

Когда блеснули солнечные лучи, французский комендант, оглядываясь во все стороны, искал, где расположена русская пехота. Видя одни казачьи полки, он изумляется и спрашивает: «Куда пехота девалась?» Ему отвечают, что пехоты и не бывало; а действовали казаки с дротиками. Можно легко себе представить досаду и отчаяние хвастливого француза, обманутого хитростью начальника и расторопностью казаков. «Я должен быть расстрелян за мою оплошность! — вскричал он, — никогда не сдал бы города, если б знал, что здесь одни казаки».

Граф приказал ему сказать, что у русских есть пословица: «Прежде не хвались, а Богу помолись». «Напишите к вашему Наполеону, — прибавил граф, — что с нашим государем сам Бог ополчился за правое дело. Мы не желаем зла французам; но желаем истребления лютого врага общего благоденствия».

В город вступили с торжеством. Жители душевно приветствовали победителей. Спокойствие и безопасность соблюдены были в домах и на улицах. Радостные жители узнали и убедились, что казаки, изображаемые в наполеоновских известиях *дикими зверями*, умеют быть великодушнее тех, которые побеждали их *перьями*, а не *оружием*.

Внимание к русским воинам великой княгини Марии Павловны⁵⁰

Все русские воины, бывшие в той германской области, которая украшается пребыванием и добродетелями государыни великой княгини Марии Павловны, пересказывают с восторгом о том, с какою внимательностью входила она во все

⁵⁰ Мария Павловна (1786—1859), великая княгиня, супруга (с 1804) наследного принца, затем великого герцога Саксен-Веймарского Карла-Фридриха. В 1813 г. на деньги от залога своих драгоценностей устроила госпиталь для русских солдат. Помогала Н. Н. Раевскому, раненому в битве под Лейпцигом и приехавшему в Веймар на лечение. Герцогство Саксен-Веймарское входило в Рейнский союз, контролировавшийся Наполеоном, и пребывало в состоянии войны с Россией. Но любовь Александра I к сестре избавила герцогство от участи других союзников Наполеона и повысила его статус в Европе (Дмитриева Е. Е. Поздние русские гетеманцы: князь Владимир Федорович Одоевский и великая княгиня Мария Павловна // Одоевский В. Ф. Переписка с великой княгиней Марией Павловной, великой герцогиней Саксен-Веймар-Эйзенах. М., 2006. С. 72—89).

подробности, заботясь о раненых и больных русских воинах. Предлагая им изобильное продовольствие, она старалась еще, чтобы каждый имел ту пищу, к которой привык на родине. Воины, поступившие в службу из Сибири, Украины и прочих русских областей, воображали, что они перенеслись в родные свои семейства! Ангельская благодетельность есть подлинное очарование: она оживотворяет здоровье, душу и сердце.

Русское приветствие

Осматривая различные заведения в возобновленной Москве *государь* посетил Коммерческое или Купеческое училище. При выезде *его величества* из одного крестьянин пожилых лет воскликнул: «Здравствуй, *государь Александр Павлович!* живи и царствуй сто лет! ура!» *Государь* изъявил удовольствие свое благосклонною улыбкою.

Сердечный голос всего приятнее для Царя-отца.

СОБРАНИЕ

РАЗНЫХЪ ИЗОБРАЖЕНІИ

СЪ МЕДАЛЕИ,

Представляющихъ

ЗНАМЕНІТЪЙШІЯ ВОИНСКІЯ ДѢЙСТВІЯ,

ПРОИСХОДИВШІЯ

въ 1812, 1813 и 1814 годахъ.